

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327,8

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-118-128

Хлопов О.А.

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЯ КИТАЯ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности энергетической политики Китайской народной республики (КНР). Отмечено, что повышенный спрос на нефть, газ и их экспорт актуализирует проблему энергетической безопасности КНР. Китай заинтересован в расширении альтернативных маршрутов импорта углеводородов и включения своих государственных нефтегазовых компаний в разработку зарубежных проектов, тема самым расширяя сферу своего геоэкономического влияния и интересов. В условиях политического напряжения на Ближнем Востоке Китай реализовывает свою энергетическую стратегию в Африке, Арктике и в сотрудничестве с Россией, которая выступает для него стратегическим партнером и экспортером энергоресурсов, что создает устойчивую основу для энергетической безопасности КНР.

Ключевые слова: газ, нефть, энергетическая стратегия, политика, КНР.

O. Khlopov

Russian State University for the Humanities, Moscow

ENERGY POLICY AND STRATEGY OF CHINA

Abstract. The article analyses the main characteristics of the energy policy of People's Republic of China (PRC). It is emphasized that the rising demand for oil, gas and their exports actualize the problem of China's energy security. It is underlined that China is interested in enlarging the alternative routes to import oil and gas, including her state run companies in the overseas projects, thus widening the sphere of its geo economic influence and interests. In the conditions of political instability in the Middle East China is realizing its energy strategy in Africa, Arctic and through cooperation with Russia, that comes out as a reliable partner and supplier of energy resources and creates the stable ground for Chinese energy security.

Key words: oil, gas, energy strategy, policy, People's Republic of China.

Китайская народная республика (КНР), имея население более 1,3 млрд.

© Хлопов О.А., 2015.

чел., занимая 3-е место в мире (после США и ЕС) по объему ВВП (12,61 трлн. долл. США), является одной из наиболее

лее динамично развивающихся стран мира. С середины 1960-х гг. Китай стал чистым экспортером энергоресурсов и экспортировал нефть и крупные объемы угля в Японию и страны АТР. Темпы роста экономики привели к повышенному спросу на сырье, и с 1993 г., когда внутреннее потребление нефти превысило ее предложение, Китай начал импорт нефти из других стран.

С 2005 г. Китай вышел на второе после США место по потреблению и производству энергоресурсов. Добыча нефти постепенно растет, но спрос на нее растет намного быстрее. По оценкам Управления энергетической информации США, потребление нефти в Китае в 2008 г. составило 7,8 млн бар/день и вышло на второе место в мире после США. Китай добывает на своей территории 4,0 млн бар/день, а объемы импорта в 2009 г. составили 3,6 млн бар/день – это третье место после США (12,2) и Японии (4,9). В 2013 г. Китай уже вышел на второе место, увеличив импорт нефти до 6,2 млн бар/день, в то время как США его сократили до 6,6 млн бар/день [15]. По прогнозам Управления энергетической информации США (EIA), потребление нефти Китаем вырастет к 2030 г. до 9,8 млн бар/день, а ее импорт к 2020 г. составит 66 % и к 2040 – 72 % потребления [14].

К 2045 г. Китай будет удовлетворять с помощью импорта 45% своих потребностей в энергетическом сырье и обойдет Соединенные Штаты в качестве самого крупного импортера нефти. Более половина импорта сырой нефти КНР поступает из Ближнего Востока, что составляет 2,9 млн бар/день или 52 % импорта сырой нефти в 2013 г. Согласно прогнозам Международного энергетического агентства, в

2015 г. спрос и производство будут составлять 11,1 и 4,0 млн. бар/день соответственно, а в 2030 г. – 16,5 и 3,4 [20].

Собственные ресурсы нефти распределены по территории Китая крайне неравномерно. В Китае выделяют четыре нефтегазоносные зоны: восточную, западную, центральную и зону континентального шельфа. Восточная зона продолжает оставаться главной базой добычи нефти, однако ее запасы значительно сократились. Одним из важнейших направлений работы по расширению ресурсной базы КНР стало освоение шельфовой зоны, где сосредоточено 15 % всех нефтяных запасов Китая. Наиболее перспективными были признаны районы Бохайского залива (восточное побережье) и дельты р. Чжуцзян (Южно-Китайское море). Их разработка ведется как самостоятельно, так и в рамках совместных проектов с иностранными компаниями. Объем технически извлекаемого газа составляет 35,7 трлн. куб м., что почти в полтора раза превышает аналогичный показатель для самих Соединенных Штатов. Однако прогнозируемых объемов добычи газа недостаточно для удовлетворения ожидаемого спроса.

В социально-экономическом развитии Китай ставит цель, многократно увеличивая ВВП, повысить жизненный уровень населения, но на это требуются дополнительные энергетические мощности и ресурсы. Энергетическое обеспечение не только долгосрочных, но, как показывает позднейшая практика, также среднесрочных и даже краткосрочных потребностей китайской экономики и китайского населения уже выходит за пределы возможностей Китая [1]. В таких условиях для

Китая одной из основополагающих задач является *обеспечение энергетической безопасности страны*. Сегодня на энергетическую безопасность государства-импортера, каким является Китай, оказывают влияние ряд существенных факторов, которые сами по себе многообразны и сложны. Например, геополитическая ситуация в мире, кризисы и войны в зонах источников углеводородных ресурсов, конъюнктура рынка, маршруты и логистика поставок, технология, инвестиционный климат, безопасность производства, стихийные бедствия.

Согласно «Докладу об энергетике Китая (2012): энергетическая безопасность» под энергетической безопасностью понимается надежное, беспереывное снабжение энергоресурсами, которое необходимо для экономического развития страны [19]. В «Докладе по энергетическому развитию Китая (2012)», опубликованном Академией общественных наук Китая, было подчеркнуто, что вопрос безопасности энергетического снабжения делится на два типа: «абсолютная» и «относительная» энергетическая безопасность [8].

«Абсолютная» энергетическая безопасность, которая также получила название «монопольной» безопасности, означает, что крупный энергопотребитель с помощью собственной экономической, политической и военной мощи пытается в мировом масштабе контролировать и владеть главными нефтегазовыми месторождениями, контролировать стратегические пути транспортировки, играть главенствующую роль в международных энергетических организациях и гарантировать энергетическое снабжение по стабильным ценам. С этой точки зрения США

бесспорно являются единственным исполнителем стратегии «абсолютной» энергетической безопасности в нынешних условиях.

«Относительная» энергетическая безопасность предусматривает сотрудничество, направленное на обеспечение коллективной энергетической безопасности. При «относительной» энергетической безопасности энергопотребители акцентируют свое внимание на налаживании сотрудничества с производителями, используя совместную добычу, развивая инвестиционную деятельность, строительство энергетической инфраструктуры. Между энергопотребителями создаются разные механизмы энергетического мониторинга, информационного обеспечения, ценообразования на энергоресурсы, управления перевозками энергоресурсов для обеспечения собственной энергетической безопасности. Очевидно, что для Китая приоритетом является относительная энергетическая безопасность.

Для Китая императивы энергетической безопасности, в основном, заключаются в следующем. Во-первых, увеличивающийся спрос и зависимость китайской экономики от энергоресурсов. В 2013 г. уровень зависимости Китая от импортной нефти достиг 57 % (для сравнения: в США только 53 %), при этом 58,8 % импортированной нефти Китая поставлялось главным образом с Ближнего Востока. Однако за последние годы ситуация на Ближнем Востоке и в Северной Африке существенно ухудшилась: возникли вооруженные конфликты и политическая дестабилизация. Сложившаяся ситуация оказывает негативное влияние на энергетическую безопасность Китая.

Во-вторых, транспортировка углеводородов находится постоянно под угрозой. В Китае 80 % импортированной нефти доставляется морскими путями, однако почти 90 % перевозки нефти обслуживают иностранные судоходные компании. США ввиду усиления мощи Китая пытаются укрепить свое военное присутствие в АТР и контролировать многие стратегические морские пути, включая и Малаккский пролив. Совершенно очевидно, что это сдерживает расширение объемов транспортировки энергоносителей в Китай.

Наконец, это нехватка стратегических запасов нефти. По официальным данным, общий объем стратегических запасов нефти в Китае составляет 14 млн. тонн, которого достаточно не более чем на 20 дней. Представляется очевидным, что объем стратегических запасов нефти находится далеко от принятой оценки Международного энергетического агентства (МЭА) в 90 дней. В этой связи Китай рассчитывает на обеспечение запасов нефти в 850 млн. тонн к 2020 г.

Основными источниками импорта нефти являются три региона – Ближний Восток, Центральная Азия (Каспийский регион) и Россия, а также Африка. За последние 15 лет в структуре импорта нефти произошли заметные изменения. Если в 1998 г. основными поставщиками нефти были Иран, Йемен и Индонезия, то к 2001 г. из них остался один Иран, а добавились Саудовская Аравия и Оман, а с 2004 г. еще Россия, Ангола, Судан, Венесуэла и Казахстан. Однако ведущую роль продолжали играть ближневосточные государства: в 1998 г. на их долю приходилось 61 % поставок, в

2004 г. – 45,4 % и в 2009 г. – 50 %. Также резко возросло место Африки с 8 % в 1998 г. до 30 % в 2009 г. (в основном за счет Анголы, Судана и Ливии) [4, с. 96-97].

В настоящее время можно выделить пять составляющих стратегии Китая по обеспечению энергетической безопасности, а именно: 1) дипломатическая работа, направленная на получение прав базирования, что делает правомерным крупномасштабное присутствие Китая в районе Индийского океана; 2) укрепление экономических связей с соседними странами и странами-поставщиками для обеспечения постоянных поставок энергоресурсов; 3) внедрение альтернативных видов топлива и их развитие, а также экономия энергии в целях снижения зависимости от импорта углеводородного сырья; 4) поощрение китайских компаний к участию и инвестированию в зарубежные проекты добычи нефти и газа; 5) образование стратегических запасов нефти [10, с. 11].

Главным источником энергоносителей для Китая является регион Персидского залива, страны которого обеспечивают сейчас до 44 0% всех импортных поставок в Китай. Сильная зависимость от ближневосточной нефти вызывает обеспокоенность в Пекине. Во-первых, транспортировка ближневосточной нефти в Китай осуществляется только через Малаккский пролив, соединяющий Индийский океан и Южно-Китайское море, который характеризуется самым высоким уровнем пиратства. Во-вторых, перманентная напряженность вокруг Ирана означает наличие постоянного риска прекращения поставок из региона Персидского залива [11, с. 19]. Учиты-

вая политические риски и нестабильность этого региона, Китай за последние годы расширил сотрудничество в нефтегазовой сфере со странами Центральной Азии и России.

В 2011 г. завершилась работа по прокладке *Китайско-российского нефтепровода*. Китайско-российский нефтепровод начинается со станции Сковородино (Амурская обл.), проходит по территории провинции Хэйлунцзян и Автономного района Внутренняя Монголия и завершается в городе Дацин. По данному нефтепроводу Россия ежегодно поставляет Китаю сырую нефть в объеме 15 млн. тонн. Стороны заключили контракт о поставке нефтяных ресурсов в течение 20 лет [6]. Энергетическое сотрудничество Китая и России не только означает экономические выгоды для обеих сторон, но и укрепляет политическое взаимодоверие. Как отметил посол КНР в России Ли Хуэй в статье газеты «Женьминь Жибао» накануне официального визита Председателя КНР Си Цзиньпин в Россию в начале мая 2015 г.: «Отношения между Россией и Китаем стали успешным примером построения нового типа международных отношений на основе взаимовыгодного сотрудничества. Они играют важную стабилизирующую роль, способствуют установлению безопасности и мира в регионах и во всем мире. У Москвы и Пекина большие планы на будущее» [9].

Российско-китайское партнерство получило новый импульс после официального переговоров и посещения Председателем КНР Си Цзиньпин военного парада на Красной площади 9 мая 2015 г. По окончании переговоров с Президентом России между Росси-

ей и Китаем был подписан целый ряд торговых соглашений, касающихся инфраструктуры, сельского хозяйства и транспорта. В рамках этих договоренностей запланировано и увеличение в течение трех лет объемов кредитования российских компаний китайскими банками до 25 млрд. долл. США. «Газпром» и компания CNPC подписали договор о поставке в Китай природного газа в объеме 38 млрд. куб. м. в год сроком на 30 лет, начиная с 2018 г. Стоимость контракта составила 400 млрд. долл. США. Газ будет поставляться из Якутского и Иркутского центров газодобычи по магистральному газопроводу «Сила Сибири». В ходе этого визита КНР и РФ объявили 2016 и 2017 гг. китайско-российскими медиагодами. Подписание данного соглашения имеет положительное значение для укрепления взаимного доверия и содействия между СМИ Китая и России. Визит показал обоюдный интерес стран к расширению сотрудничества в инвестиционной, финансовой и энергетической областях, Евразийскому экономическому союзу, а также строительству Экономического пояса Шелкового пути.

Китай начал импортировать газ с 2006 г., и сегодня доля закупок за рубежом достигла 11,2%. В частности, в 2006 г. китайская нефтегазовая компания CNPC выиграла тендер на разработку и добычу газа на месторождении Южный Иолотань в Туркменистане, с 2009 г. вступил в эксплуатацию газопровод из Туркменистана через Узбекистан и Казахстан. CNPC принимает активное участие в освоении газовых месторождений Казахстана. Кроме того, был сооружен газопровод из Мьянмы в Китай мощностью до 12

млрд. куб.м. в год и активно осуществляются закупки сжиженного газа из Австралии и Катара. В перспективе намечена прокладка магистрали через Пакистан – из порта Гвадар по трассе действующего Каракорумского шоссе через Гилгит и Хунджерабский перевал до Кашгара, где ведутся активные геологоразведочные работы по оценке газоносных пластов месторождения Курля-Куча в пустыне Такла-Макан [4, с. 97].

Африка является вторым крупным поставщиком нефти в Китай, обеспечивая 32% всего нефтяного импорта страны. Повышенный интерес Китая к Африке можно рассматривать как часть более широкой стратегии «выхода», начатой руководством КНР в конце 1990-х гг., которая поощряет государственные и частные компании инвестировать за рубеж, особенно в странах, богатых природными ресурсами. К 2020 г. Китай, по прогнозам, обгонит Соединенные Штаты по импорту нефти во всем мире и станет крупнейшим в мире потребителем к 2035 г. [20]. Согласно данным международной торговой комиссии США, в 2011 г. примерно 80% китайского импорта из Африки составили природные ресурсы. Кроме того, с 2003 по 2010 гг. более половины прямых иностранных инвестиций Китая в Африку были направлены в нефтяную промышленность [17].

Самый главный интерес КНР в Африке – обеспечение доступа к нефти, другим полезным ископаемым и сырьевым ресурсам. Специфика китайского бизнеса в том, что он готов разрабатывать природные ресурсы в странах, которые имеют напряженные отношения с Западом, например в Судане, или

в которых очевиден высокий уровень политического риска, как в Конго, или где отсутствует прямая конкуренция с западными компаниями. Именно на Африку, занимающую второе место в импорте Китаем сырой нефти после Ближнего Востока, сегодня делается ставка в китайской нефтяной стратегии. В 2009 г. китайский импорт нефти из Африки составил 3,3 млн. бар/день. Африканская нефть обеспечивала 25% китайского нефтяного импорта, при этом более 20% приходилось на страны Гвинейского залива и Судан. Африканская нефть составляет 23% китайского нефтяного импорта 1,3 млн. бар/день из общего объема импорта в 2013 г. – 5,4 млн. бар/день [5].

В сфере интересов китайских компаний богатые ресурсами страны, такие, как ЮАР, Ангола, Нигерия, Замбия, Судан и менее значимые экспортеры – Алжир, Чад, Гобон, Кения, Либерия и Ливия. В последнее время происходит интенсивная диверсификация путей проникновения китайцев в Африку. В 2000 г. был создан Форум по китайско-африканскому сотрудничеству (FOCAC), Это межправительственный орган Китая с африканскими странами для разработки плана укрепления двустороннего сотрудничества между КНР и 50 африканскими странами-членами [18]. Несмотря на острую конкурентную борьбу, которую приходится вести китайским компаниям, можно говорить об успехе Пекина в Африке, который обусловлен следующими причинами.

Во-первых, китайский бизнес не боится действовать в разрушенных войнами странах, таких, как Либерия, Конго, Сьерра-Леоне, а также в зонах этнополитических и религиозных кон-

фликтов. Во-вторых, Китай действует в странах, которые попадают под санкции западных государств, в которых он позиционирует себя как альтернативный партнер, что приносит ему значительные экономические и политические преимущества. Такая стратегия действует в Судане и Зимбабве [7]. Наконец, это грамотная и рассчитанная на десятилетия стратегия КНР по продвижению своих интересов в Африке. Таким образом, Китай имеет четыре всеобъемлющие стратегические цели в Африке: 1) доступ к природным ресурсам, в частности, нефти и газу; 2) доступ своих экспортных товаров на африканские рынки; 3) политическая легитимность в международных форумах, в частности, на основе принципов Китая – невмешательство во внутренние дела стран, «Юг-Юг солидарности» и приверженности политике «одного Китая»; 4) устойчивая безопасность и стабильность, чтобы обеспечить сохранность своих инвестиций и продолжить свою коммерческую деятельность.

Стоит отметить, что Китай не афиширует своей заинтересованности в энергоресурсах Арктики – официальный акцент сфокусирован на научных интересах. По разным оценкам, в Арктике сосредоточено около 30% мировых запасов природного газа и 13% нефти [3, с. 52]. На сегодняшний день активно вовлекаются в процесс исследования и добычи энергоресурсов в Арктическом регионе крупнейшие нефтедобывающие китайские компании – в первую очередь «Китайская национальная компания по добыче шельфовой нефти» (CNOOC), которая тесно сотрудничает с исландской корпорацией «Eukon Energy» и «Китайской на-

циональной нефтегазовой компанией» (CNPC) [2, с. 46]. Хотя на данный момент у Пекина нет официальной и публично озвученной стратегии в отношении Арктики, анализ действий Китая позволяет выделить определенные черты на арктическом направлении, приобретающие стратегическую форму.

В первую очередь стоит отметить, что Пекин изначально выбрал путь, ориентированный на использование потенциала «мягкой силы». Опираясь на осуществление научной деятельности в Арктике, КНР реализует «научную дипломатию», выводя научные изыскания в Арктике на глобальный уровень, участвуя во множестве форумов, посвященных изменению климата в Арктике, привлекая иностранных ученых к участию в экспедициях. Это способствует утверждению авторитета и значимости КНР в полярных исследованиях. В этой сфере задействован целый ряд исследовательских центров, среди которых основными являются Китайский институт полярных исследований (PRIC), Шанхайский институт международных исследований (SIIS), Китайский институт изучения проблем моря (CIMA) и другие. Помимо собственно научных изысканий, в задачу китайских исследовательских центров входит разработка теоретических рекомендаций для политиков относительно проблем Арктики, а также ее потенциала и перспектив.

Официальная риторика Пекина сводится к сохранению статус-кво арктических пространств и поддержке преимущественной юрисдикции и суверенных прав государств региона. В то же время Арктика рассматривается как регион, имеющий глобальное зна-

чение, в котором КНР имеет законное право участвовать в решении проблем региона, так как климатические изменения оказывают влияние на Китай; более того, Китай имеет право использовать арктические воды, согласно нормам международного права. Одним из главных успехов Пекина в этом направлении можно считать присвоение ему статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете в мае 2013 г.

Можно с уверенностью говорить о том, что энергетическая безопасность становится для Китая проблемой национальной безопасности. В этом плане особую актуальность приобретает выстраивание курса на обеспечение Пекином большей степени энергетической самодостаточности посредством расширения своего присутствия в ресурсных зонах и работы национальных компаний за рубежом. В качестве примера конкурентного противостояния можно привести ситуацию вокруг Южно-Китайского моря, где Пекин активно участвует в территориальных спорах с пятью другими государствами региона: Тайванем, Малайзией, Филиппинами, Брунеем и Вьетнамом. Центральный вопрос этих споров – полезные ископаемые, находящиеся в недрах оспариваемых территорий. По данным Пекина, там залегают свыше 200 млрд. баррелей нефти и 900 трлн. куб. м. газа. Правда, по оценке Геологической службы США – всего 11 млрд. баррелей нефти и 5,9 трлн. куб. м. газа [13]. При этом Южно-Китайское море важно для Китая и как стратегический район, через торговые пути которого проходит около 60% поставок всех энергоресурсов в Южную Корею, Японию и Тайвань, а также 80 % поставок сырой нефти в Китай. Американцы

хотят сохранить статус-кво в вопросах, касающихся торговых маршрутов в Южно-Китайском море, по которым ежегодно проходит товарный поток более чем на 5 трлн. долл. США, приблизительно четвертая часть которых приходится на американские фирмы.

В мае 2015 г. Китай опубликовал так называемую «Белую книгу» (White Paper) по вопросам военной стратегии, (**China's Military Strategy**). **Это уже 9-й документ подобного рода за последние 17 лет, начиная с 1998 г., который издается каждые два года.** Документ, содержащий основные открытые положения военной доктрины КНР, сообщает о планах Пекина по совершенствованию своих Вооруженных сил. Основная концепция военной стратегии Китая – «активная оборона», которая исходит из приверженности Китая мирному развитию. Китай не намерен ни на кого нападать, но оставляет за собой безусловное право на контратаку в случае нападения на него. При этом отмечается, что Китай не стремится к гегемонии и экспансии.

Одна из восьми основных задач вооруженных сил Китая – «обеспечение безопасности зарубежных интересов Китая». В качестве основных источников беспокойства документ называет растущую военную активность США и Японии в Азии, что требует серьезной корректировки политики Китая в сфере безопасности. В стратегии впервые поднимается проблема спорных морских территорий, а также выражается обеспокоенность военной активизацией Японии и США в непосредственной близости от своих границ. При этом Пекин отмечает, что все его действия в регионе носят оборонительный характер. Среди приоритетов

указаны, в частности, развитие флота океанской зоны, рост возможностей в киберпространстве и сотрудничество с Россией [16].

Очевидно, что Китай видит в лице США глобального гегемона и военно-стратегического конкурента, который стремится сдерживать внешнеполитическое влияние и внешнеэкономические амбиции Китая. КНР, как и Россия, выступает за равноправное и многополярное мироустройство, в котором бы доминировал баланс сил и баланс интересов. Позиции Китая и России близки относительно актуальнейшей проблемы осмысления протекающих глобальных процессов, что позволило бы определить адекватные принципы разумного производства, распределения и использования энергии в различных регионах мира для обеспечения устойчивого развития человечества [12].

Можно сделать *выводы* о том, что Китай в настоящее время достаточно активно использует инструменты политики «мягкой силы» при установлении контактов с участниками международных отношений с целью продвижения собственных интересов энергетической безопасности. Современная энергетическая политика Пекина является частью политической стратегии «китайского глобализма». Очевидно, что в отличие от американского «глобального лидерства», китайская внешняя политика направлена на интеграцию со всеми странами во взаимозависимый, компромиссный и многополярный мир, на основе равноправного участия. В обозримой перспективе стратегические интересы Китая и России в построении многополярного мира в принципе совпада-

ют или близки по геополитическому, ресурсно-экономическому и культурно-цивилизационному аспектам.

В вопросе ведения внешней политики Китай считает необходимым полагаться как на свои внутренние силы, так и на механизмы региональных и международных организаций, в том числе ООН, а также на принципы международного права. Интересы энергетического, экономического, геополитического характера обосновывают для Китая необходимость присутствовать в Африке, Арктике и укреплять энергетическое сотрудничество с Россией. В попытке реализовать государственную стратегию энергетической безопасности Китай устремляет свои внешнеполитические интересы в эти регионы с целью диверсифицировать поставки нефти и газа, расширяя зону своего экономического влияния.

Африканский континент находится в сфере экономических приоритетов КНР, один из которых – диверсификация путей поставок энергоресурсов. В попытке найти решение некоторых проблем энергетических поставок через Малаккский и Ормузский проливы и реализовать государственную стратегию энергетической безопасности Китай обращает свои интересы в сторону Арктики. России следует использовать конструктивный потенциал российско-китайского стратегического партнерства, в том числе, на африканском и арктическом направлениях, как возможность расширения сферы своего внешнеполитического влияния и экономического развития в качестве возрождающейся глобальной державы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Бергер Я.М. Об энергетической стратегии Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 3. С. 120-137.
2. Данюк Н.С., Рамазанов М.Р. Арктика в системе координат энергетической политики РФ и КНР как основа устойчивого развития российско-китайских отношений // Международное публичное и частное право. 2014. № 2. С. 15-22.
3. Загорский А.В. Арктика: зона мира и сотрудничества. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 195 с.
4. Заменит ли нам Китай Европу // Нефть России. 2012. № 1. С. 96-100.
5. Ирисова О. Гуманный империализм: как Китай завоевывает Африку [27.03.2015] / Forbes [сайт]. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/283713-gumannyyi-imperializm-kak-kitai-zavoevuyuet-afriku> (дата обращения 20.09.2015)
6. Китай завершил работу по открытию четырех главных энергетических коридоров [03.02.2012] / China. Org.CN [сайт]. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-02/03/content_24545043.htm (дата обращения: 20.09.2015)
7. Китай обещает не колонизировать Африку по западному образцу [12.01.2015] / Newsru.com [сайт]. URL: <http://www.newsru.com/world/12jan2015/chin.html> (дата обращения 20.09.2015)
8. Ли Син, Ван Чэнсин. Стратегия энергетической безопасности Китая в Центральной Азии // Сравнительная политика. 2013. № 2 (12). С. 50-59.
9. Ли Хуэй. Российско-китайские отношения – путь к миру и стабильности (записки посла) // Женьминь-жибао. 2015. 3 мая (рус. пер. см.: <http://inosmi.ru/fareast/20150508/227919451.html>).
10. Матвеева Д.В. Энергетическая безопасность Китая в начале XXI века // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. № 350. С. 97-99.
11. Мухаметов Р.С. Геоэнергетические интересы ЕС, России и Китая в Каспийском регионе // Международное публичное и частное право. 2011. № 4. С. 15-19.
12. Танайлов С.В. Геополитика и энергетическая безопасность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 2. С. 245-251.
13. Химера взаимодействия: США и КНР вырабатывают правила на случай конфликта [23.06.2015] / Lenta Ru [сайт]. – URL: <http://lenta.ru/articles/2015/06/23/himerica/> (дата обращения 20.09.2015)
14. China. Country Analysis Overview [04.02.2014] // US Energy Information Administration [сайт]. URL: <http://www.eia.gov/countries/cab.cfm?fips=ch> (дата обращения 20.09.2015)
15. Wei Y.M. China Energy Report (2012): Energy Security Research / Y. M. Wei, G. Wu et al. Beijing: Science Press, 2012. 280 p.
16. Chine Energy Profile / US Energy Information Administration [сайт]. URL: <http://www.eia.gov/beta/international/country.cfm?iso=CHN> (дата обращения 20.09.2015)
17. China's Military Strategy (The State Council Information Office of the People's Republic of China, May 2015, Beijing) / Window on Chinese Armed Forces [сайт]. URL: http://english.chinamil.com.cn/news-channels/2015-05/26/content_6507716.htm (дата обращения 20.09.2015)
18. The Fifth Ministerial Conference of the Forum on China-Africa Cooperation: Beijing Action Plan (2013-2015) / FOCAC [сайт]. URL: <http://www.focac.org/eng/>

- ltda/dwjbzjjhys/hywj/t954620.htm (дата обращения 20.09.2015)
19. Gamache L, Hammer A., Jones L. China's Trade and Investment Relationship with Africa / United States International Trade Commission [сайт]. URL: [http://www.usitc.gov/publications/332/2013-04_China-Africa\(GamacheHammerJones\).pdf](http://www.usitc.gov/publications/332/2013-04_China-Africa(GamacheHammerJones).pdf) (дата обращения 20.09.2015)
20. World Energy Outlook, 2014 / International Energy Agency [сайт]. URL: http://www.iea.org/bookshop/477-World_Energy_Outlook_2014 (дата обращения 20.09.2015)